

СМИРНОВ Вадим Анатольевич — к.полит.н., старший научный сотрудник Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (236041, Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, 14; vsmirnov@kantiana.ru)

НЕФОРМАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ЛАТВИИ, ЛИТВЕ И ЭСТОНИИ: К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ

Аннотация. В статье анализируется неформальное измерение политического процесса в Латвии, Литве и Эстонии после распада Советского Союза. Опираясь на данные международных организаций, автор показывает, что неформальные, непрозрачные практики внутриэлитного взаимодействия остаются существенным вызовом для политических систем этих стран, несмотря на успешное присоединение в 2004 г. к Европейскому союзу и формальное соответствие требованиям демократических процедур. В особенности это свойственно Литовской Республике, претендующей на роль регионального лидера и первой из бывших советских республик, возглавлявшей Евросоюз во второй половине 2013 г.

Ключевые слова: элиты, Прибалтика, неформальные отношения, коррупция, тенденции

Оценка роли неформального измерения во внутриэлитном взаимодействии на фоне формального соответствия демократическим процедурам призвана продемонстрировать глубину политических преобразований в Латвии, Литве и Эстонии после выхода из состава Советского Союза. Автор в данном случае исходит из различия формальных и неформальных институтов во внутриэлитном взаимодействии [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011]. Если первые можно считать нормативным (в т.ч. закрепленным законодательно) «кодексом» правил, которых придерживаются все участники политического процесса, то вторые олицетворяют собой «непрозрачные», теневые практики, которые существуют наряду с нормативными (не обязательно выходя за рамки закона), дублируя, подменяя, усиливая, противореча им и даже ставя их в подчиненное положение. Безусловно, четкое разделение на формальные и неформальные практики является, в известной степени, идеальной «черно-белой» схемой. За основу при этом принимается тезис о приоритете именно формальных норм в здоровых демократических политических системах, который и определяет логику внутриэлитного взаимодействия, правила игры. Реальная же практика политического процесса в любых странах мира являет собой констелляцию действий элит в рамках формальных и неформальных норм, вопрос лишь в их соотношении и качестве влияния на систему.

В данном случае уместна аналогия с известной концептуальной моделью Г. Алмонда и С. Вербы [Almond, Verba 1963]: политическая культура развитых демократических обществ (*civic culture*) складывается из компонентов приходского (*parochial*), подданнического (*subject*) и участнического (*participant*) видов политических культур. Такой подход позволяет рассматривать институты неформального взаимодействия элит как такие культурные нормы, образцы поведения, происхождение которых обусловлено не столько формальными требованиями соответствия демократическим процедурам, сколько всей совокупностью накопленных ранее традиций, опыта взаимодействия в обществе и его отдельных социальных группах.

Неформальное измерение внутриэлитного взаимодействия традиционно находится в фокусе исследовательского интереса в последние десятилетия. Не в последнюю очередь это обусловлено мощными трансформационными изменениями конца 1980-х — начала 1990-х гг., распадом Советского Союза, формированием новых государств. Оценка ситуации в Центральной и Восточной Европе позволила, например, И. Пеге вывести формулу «демократии без демократов» [Pehe 2009] применительно к независимым государствам на пространстве ЦВЕ. В. Банс говорит о «демократии, деформированной на уровне региона в целом» и предполагает, что эти дефекты будут определять суть политического процесса на десятилетия вперед [Bunce 2008]. В свою очередь Т. Карозерс диагностирует синдром «бесплодного

плюрализма», говоря о том, что политические элиты, несмотря на существование электоральной демократии и формальное соответствие всем процедурам, воспринимаются как «коррупцированные, своекорыстные и неэффективные» [Carothers 2002]. В какой мере это может быть отнесено к Латвии, Литве и Эстонии, которые за минувшую четверть века прошли через масштабные политические, экономические реформы и, единственные из всей советской «семьи», добились интеграции в евроатлантические структуры, тем самым являя, казалось бы, образец постсоветской трансформации?

Роль неформального измерения возрастает в период глубоких реформ, во время коренных преобразований, доходящих до глубинных пластов социальной ткани (сопровождающихся, как правило, ослаблением контрольных функций государства), что обеспечивает приспособление правящих кругов, общества в целом к новому порядку [Хантингтон 2004]. В период масштабного социального переустройства элиты склонны опираться именно на неформальные институты взаимодействия, т.к. учреждаемые реформой формальные институты еще не «прижились» в полной мере. Фиксируемый научным сообществом с 1970-х гг. «кризис демократии» (дискуссии о «постдемократии», «аудиторной демократии» [Дзоло 2010]) несет с собой и ослабление формальных демократических институтов, и это вполне можно назвать общемировой тенденцией. Непубличные практики принятия ключевых решений, лоббистские усилия, политическая коррупция прочно укрепились в мировом политическом процессе. В этом смысле происходящее в трех Балтийских странах не может быть отделено от глобального политического контекста. В то же время роль неформальных отношений внутриэлитного взаимодействия, как правило, выше в странах, которые относительно недавно прошли этап всестороннего реформирования. Случай Латвии, Литвы и Эстонии не является в этом смысле исключением.

О том, что политические системы в Латвии, Литве и Эстонии в существенной мере уязвимы и сталкиваются с вызовами недостатка политической подотчетности и ответственности, говорится в докладе Международного института демократии и электоральной поддержки 2013 г. «Нелегальные сети и политика в Балтийских странах» [Villavces-Izquierdo, Uribe Burcher 2013]. В нем указывается на институциональную слабость в сочетании с острой политической фрагментированностью (большое число маленьких, слабых политических партий, появляющихся специально под очередные выборы и затем исчезающих), что в итоге приводит к так называемой коммерциализации политики (например, из-за вмешательства более крупных сторонних игроков) [Grigas 2012]. Среди других причин, поощряющих неформальное внутриэлитное взаимодействие, европейские эксперты называют, в частности, огромное пространство СНГ, на котором действуют транснациональные нелегальные группировки, и поэтому Латвия, Литва и Эстония превращаются, по терминологии Европола, в европейский северо-восточный криминальный хаб [Galeotti 2012].

В свою очередь, некоторые эксперты в Литве сводят проблему исключительно к негативному «советскому наследию». Неформальные отношения (так называемый блат) между литовцами в советское время, как пишет Г. Курис, «позволяли подрывать власть Москвы и сохранять ресурсы у себя»: «Это связывало, объединяло литовцев... Мелкая коррупция рассматривалась даже как проявление патриотизма. Когда же Литва от Советского Союза избавилась, коррупция перестала быть проявлением патриотизма, но продолжила свое существование» [Kuris 2012]. Известный литовский политический обозреватель Р. Янутене пишет, что «в советское время, как и сейчас, — связи, родство, “блат” были наиболее эффективным способом» для решения практически любых проблем — от мелкобытовых до более масштабных. Иллюстрируя то, сколь весомым может быть значение неформальных связей между отдельными представителями политической элиты, Янутене подробно описывает становление в Литве отдельного «клана» так называемых государственников — группы чиновников, политиков, силовиков высшего звена, которых она наделяет статусом «серых кардиналов» Литвы [Grinevičiūtė 2013].

О распространении неформальных отношений в политических практиках в той или иной стране позволяют судить ежегодные исследования, которые проводятся

Таблица 1

**Восприятие коррупции по отдельным институтам
(1 – не коррумпированный, 5 – полностью коррумпированный)***

Страна		Партии	Парламент	Армия	НКО	Медиа	Церковь	Бизнес	Образование	Судебная система	Медицина, здравоохранение	Полиция	Публичные чиновники, госслужащие
Эстония	2013	3,7	3,1	2,0	2,4	2,6	2,1	3,3	2,3	2,8	2,7	2,6	3,2
	2004	3,5	3,1	2,0	2,8	2,8	1,7	3,1	2,4	3,1	2,7	2,9	н/д
Латвия	2013	4,0	3,7	2,3	2,4	3,0	2,1	3,4	2,5	3,5	3,4	3,5	3,8
	2004	4,2	4,0	2,5	2,4	3,1	2,0	3,7	3,0	4,1	3,6	4,0	н/д
Литва	2013	4,2	4,3	2,4	2,6	3,3	2,5	3,6	3,2	4,3	4,1	3,9	3,9
	2004	4,2	4,2	2,4	2,8	3,2	2,3	3,5	3,0	4,2	3,8	4,1	н/д
Финляндия	2013	3,4	2,9	1,9	2,4	3,1	2,3	3,3	2,1	2,0	2,4	1,8	2,8
	2004	3,0	2,6	1,6	2,0	2,9	2,3	2,7	1,6	2,0	1,9	1,7	н/д

* По данным Глобального барометра коррупции. 2004–2013 гг. – *Transparency International*.

под эгидой Всемирного банка, *Transparency International*, фонда Бертельсмана, *Freedom House*. По данным Глобального барометра коррупции – 2013 *Transparency International*, в Эстонии 55% опрошенных считают, что их политические партии коррумпированы или чрезвычайно коррумпированы. 38% респондентов считают госслужащих коррумпированными или чрезвычайно коррумпированными, а 33% придерживаются такого же мнения относительно парламента Эстонии. При этом 46% полагают, что правительство руководствуется несколькими «большими интересами». В 2013 г. 26% опрошенных жителей Литвы (для сравнения: средний показатель по ЕС – 11%) признали, что за последние годы давали взятку хотя бы в 1 из 8 сфер предоставления общественных услуг: в сфере образования, судебной системе, сфере здравоохранения, полиции, в службах регистрации и выдачи разрешений, секторе предоставления коммунальных услуг, в налоговой инспекции, службе землеустройства. При этом 63% опрошенных жителей Литвы считают, что властные институты представляют интересы не всего населения, а крупных групп интересов. А 79% респондентов полагают, что борьба с коррупцией властями ведется неэффективно. Эстония и Латвия отнесены к группе стран (их всего 51), в которых политические партии названы в числе наиболее коррумпированных институтов, Литва – к числу стран (их 7), в которых таковым назван парламент¹.

Данные о восприятии коррумпированности отдельных институтов в 2004 г. (вступление Латвии, Литвы и Эстонии в Европейский союз) и в 2013 г. приведены в табл. 1 и 2. Для сравнения приводятся данные одного из их ближайших соседей – Финляндии, которая, как и Латвия, Литва и Эстония, граничит с Россией и имеет с ней давние отношения.

В Литве 77% опрошенных сообщили, что их опыт показывает: при получении услуг общественного сектора важны личные знакомства (по этому показателю Литва находится на 2-м месте в ЕС, сразу после Италии, у которой этот показатель составляет 80%). Уровень взяточничества в отдельных странах ЕС, по оценкам *Transparency International*, приводится в табл. 3.

Согласно отчету о коррупции «Евробарометр 397» от 2014 г.², 3/4 респондентов в ЕС (76%) считают, что коррупция широко распространена в их стране. Среди стран-

¹ Hardoon D., Finn H. 2013. Global Corruption Barometer 2013. Transparency International. Berlin. URL: http://www.transparency.hu/uploads/docs/GCB2013_Report_Embargo.265.pdf (accessed 15.09.2014).

² Special Eurobarometer 397. Corruption / Wave EB79.1 – TNS Opinion & Social. February 2014. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_397_en.pdf (accessed 17.09.2014).

Таблица 2

Индекс восприятия коррупции, место в рейтинге в 2004 и 2013 гг.*

Страна	2004	2013
Эстония	31	28
Латвия	57	49
Литва	44	43
Финляндия	1	3

* По данным Глобального барометра коррупции. 2004–2013 гг. – *Transparency International*.

Таблица 3

Уровень взяточничества в отдельных странах ЕС, %*

Страна	2004	2013
Эстония	5-10	6
Латвия	11-20	19
Литва	31-40	26
Финляндия	<5	1

* По данным Глобального барометра коррупции. 2004–2013 гг. – *Transparency International*.

лидеров: Греция (99%), Италия (97%), Литва, Испания и Чехия (по 95%), Хорватия (94%), Румыния (93%). Среди этих 76% около 3/4 (73%) полагают, что взятки и использование связей являются самым простым путем для получения публичных услуг в их странах. Такая убежденность более всего укоренена в Греции (93%), на Кипре (92%), в Словакии и Хорватии (по 89%), а также в Литве, Чехии, Италии и Словении (88%). Для сравнения: в Финляндии таковых лишь 35%. В Литве 35% (это выше, чем в Словакии и Греции – 33 и 31% соответственно) говорят, что лично знают тех, кто берет взятки, в Латвии таковых 25% (для сравнения: в Финляндии – 9%).

Литва входит в тройку лидеров стран ЕС по числу тех, кто считает в целом приемлемым оказать услугу в благодарность за то, что для них сделают органы госвласти – таковых 54% (в Словакии – 68%, в Венгрии – 60%, Латвии – 48%). В Литве 42% респондентов считают нормальным давать деньги, в Латвии – 38%. Для сравнения: в Финляндии – 7%.

По данным *Freedom House* 2013 г. в Литве коррупция преобладает в бизнесе и политике, рейтинг страны в коррупционном рейтинге с 2004 г. «замер» (с периодическими отклонениями в сторону ухудшения) на отметке 3,5 (7 – худший показатель, 1 – лучший). Рейтинг Латвии, которую периодически сотрясают громкие скандалы с участием представителей политического истеблишмента, постепенно улучшается: с 3,5 в 2004 г. до 3 в 2013 г. Показатель Эстонии – 2,5 в 2004 г. и 2,5 в 2013 г. (понижение до 2,25 в 2012 г.). По данным *Freedom House* рейтинг Эстонии ухудшили коррупционные скандалы, связанные с финансированием политических партий (в т.ч. правящих)¹.

По данным фонда Бертельсмана (проект *Sustainable Governance Indicators* 2014), коррупция стабильно сохраняется в Литве, руководству которой рекомендуется направить свои усилия на исправление ситуации в наиболее коррумпированных институтах: сфере здравоохранения, парламенте, судах, полиции и муниципальных органах власти². В отношении Латвии серьезные претензии предъявляются к судебной системе, которая формально независима, но де-факто поражена коррупцией. В результате в Латвии широко распространено восприятие политиков, высших госслужащих и успешных бизнесменов как коррумпированных фигур, а законы и бизнес-сделки воспринимаются как повод для манипуляций.

¹ Nations in transit 2013 (ed. by K. Leontjeva). – *Freedom House*. Lithuania Report. URL: <http://www.freedomhouse.org/report/nations-transit/2013/lithuania> (accessed 05.09.2014).

² Nakrosis V., Vilpisauskas R., Detlef J. 2014. Sustainable Governance Indicators SGI 2014. – *Bertelsmann Stiftung, Gütersloh*. Lithuania Report. URL: http://www.sgi-network.org/docs/2014/country/SGI2014_Lithuania.pdf (accessed 15.09.2014).

В докладе фонда Бертельсмана в рамках проекта *Bertelsmann Stiftung's Transformation Index 2014* констатируется, что, несмотря на учреждение в 2002 г. Бюро по предупреждению и борьбе с коррупцией (*KNAB*), проблему политической коррупции искоренить не удастся¹. Более выгодную позицию занимает Эстония, которая фондом Бертельсмана рассматривается как одна из наименее коррумпированных стран Центральной и Восточной Европы.

В соответствии с докладом Всемирного банка о глобальной конкурентоспособности стран в 2013–2014 гг.², коррупция фигурирует в числе наиболее проблемных факторов для ведения бизнеса: в Латвии – 10,1 балла (максимум: неэффективная государственная бюрократия – 15,7), в Литве – 8,5 (максимум: неэффективная государственная бюрократия – 17,2), Эстонии – 2,4 (максимум: «перекосы» в образовании рабочей силы – 21,9). Для сравнения: показатель коррупции в Финляндии – 0 (максимум: ограничительные требования на рынке труда – 23,8). В 2008–2009 гг. по данным Всемирного банка, коррупция в числе наиболее проблемных факторов для ведения бизнеса оценивалась следующим образом: в Латвии – 8,5 балла (максимум: инфляция – 22,4), в Литве – 10,6 (максимум: инфляция – 14,4), Эстонии – 3,7 (максимум: инфляция – 19,7). Для сравнения: показатель коррупции в Финляндии – 0,4 (максимум: ограничительные требования на рынке труда – 23,7).

Ряд показателей, иллюстрирующих степень распространенности неформальных практик (по оценкам Всемирного банка), приводится в табл. 4.

Таблица 4

Страны Балтийского региона в рейтинге *Global Competitiveness*^{*}

	Латвия		Литва		Эстония		Финляндия	
	2008/ 2009 (134)	2013/ 2014 (148)	2008/ 2009 (134)	2013/ 2014 (148)	2008/ 2009 (134)	2013/ 2014 (148)	2008/ 2009 (134)	2013/ 2014 (148)
Уровень доверия общества политикам	95	89	69	95	44	42	3	7
Фаворитизм в принятии решений госорганами	83	63	81	62	44	23	2	4
Транспарентность принимаемых властью решений	98	45	64	34	27	19	5	2

^{*} По данным Всемирного банка за 2008–2009, 2013–2014 гг. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2013-14.pdf; <http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2008-2009> (accessed 15.09.2014).

В рейтинге 2013–2014 гг. приводится показатель «Внеплановые платежи и взятки», который отсутствует в докладе 2008–2009 гг. Латвия занимает 55-е место, Литва – 50-е, Эстония – 25-е, Финляндия – 2-е.

Разрыв в уровне коррупции между Литвой, Латвией и Эстонией был особенно очевиден в конце 1990-х гг. Рига и Вильнюс получали многочисленные указания из Брюсселя о том, что присоединение к ЕС станет возможным лишь после того, как будут совершены не только серьезные политические и экономические реформы, но и предприняты усилия по борьбе с распространением политической коррупции в Латвии и Литве (систематическое взяточничество рассматривалось как интегральная часть политического и экономического процессов)³. Несмотря на десятилетие, минувшее со дня вступления Латвии, Литвы и Эстонии в Европейский союз, неформальные практики остаются по меньшей мере тем

¹ Bertelsmann Stiftung, BTI 2014. Latvia Country Report. *Gütersloh: Bertelsmann Stiftung*. URL: <http://www.bti-project.org/fileadmin/Inhalte/reports/2014/pdf/BTI%202014%20Latvia.pdf> (accessed 15.09.2014).

² The Global Competitiveness Report 2013–2014. Full Data Edition (ed. by Klaus Schwab). – *World Economic Forum*, Geneva, 2013. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2013-14.pdf (accessed 17.09.2014).

³ Roule T.J. The Nature of Political Corruption in the Baltics. – *The Baltic Times*. 25.01.2001. Доступ: <http://www.baltictimes.com/news/articles/4295/> (проверено 05.09.2014)

набором средств и методов принятия важнейших политических решений, которые используются наряду с официальными, формальными инструментами. Сама по себе неформальность не является неизбежно порочной (неформальные отношения способны содействовать созданию атмосферы доверия, что можно расценивать как положительный социальный капитал). Здесь необходимо согласиться с М. Хайозом, который, фиксируя «слишком высокий» уровень неформальных отношений в Центральной и Восточной Европе, отмечает, что «неформальная политика и личные отношения не должны противопоставляться принципам управления, деформировать универсальные принципы» [Хайоз 2012]. В противном случае закономерен вопрос об устойчивости политических структур, о наличии эффективных формальных институтов, которые позволяли бы держать непрозрачные практики в подчиненном положении.

Из трех проанализированных стран в наилучшей позиции, исходя из данных международных организаций, находится Эстония. Литва по некоторым показателям (в частности, по уровню доверия общества политикам, по уровню восприятия населением уровня коррупции) демонстрирует регресс. Страна, в которой неформальные, «дружеские» отношения становятся важнее легальных и легитимных правил, а «клубы однокурсников» подменяют собой ветви власти, неизбежно столкнется с проблемой падения уровня доверия к собственно властным институтам, с усугублением разрыва между правящими кругами и массовыми группами.

В этом отношении политические системы Латвии, Литвы и Эстонии вряд ли могут быть названы окончательно сформировавшимися: политическая действительность, лакируемая соответствием требованиям формальных демократических процедур, таит в себе различные глубинные расколы, еще не проявившие себя в полной мере. В их числе — фактор наличия мощных групп «неграждан» в Латвии и Эстонии; политизация советского периода истории во всех трех странах (и вообще масштабное и имеющее конфликтную основу переформатирование государственной политики в области исторической памяти); отдельные тревожные тенденции, которые открыто фиксируются представителями элит (излишняя раздробленность партийного сегмента в Латвии, что создает пространство для политических манипуляций; чрезмерно жесткие, агрессивно-популистские практики политического управления в Литве и т.д.). В этом отношении неформальные механизмы, стабильно сохраняющиеся среди наиболее востребованных практик внутриэлитного взаимодействия, лишь усугубляют и без того непростую ситуацию.

Список литературы

Дзоло Д. 2010. *Демократия и сложность: реалистический подход*. М.: ИД ГУ-ВШЭ. 313 с.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. 2011. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества* (пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой). М.: Изд-во Института Гайдара. 480 с.

Хайоз Н. 2012. Власть, демократия и неформальные отношения в Восточной Европе: к устойчивости политических структур. — *Политические элиты в старых и новых демократиях* (под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А. П. Клемешева). Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта. С. 90-102.

Хантингтон С. 2004. *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция. 408 с.

Almond G., Verba S. 1963. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton. 379 p.

Bunce V. 2008. The Political Transition in Central and East European Politics. — *From Communism to Democracy* (ed. by L.S. Wolchik, J.L. Curry). Lanham: Rowman & Littlefield. P. 33-54.

Carothers T. 2002. The End of the Transition Paradigm. — *Journal of Democracy*. Vol. 13. No 1. P. 5-21.

Galeotti M. 2012. *Transnational Aspects of Russian Organized Crime: Russia and Eurasia*. Programme Meeting Summary. London: Royal Institute of International Affairs. P. 1-5.

Grigas A. 2012. *Legacies, Coercion and Soft Power: Russian Influence in the Baltic States*.

London: Royal Institute of International Affairs. URL: http://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/Russia%20and%20Eurasia/0812bp_grigas.pdf (accessed 18.09.2014).

Grinevičiūtė R. 2013. *Raudonoji Dalia: nuslėptieji Dalios Grybauskaitės biografijos puslapiai*. Rūta Janutienė. Vilnius: Nataiva. 271 p.

Kuris G. 2012. Balancing Responsibilities: Evolution of Lithuania's Anti-corruption Agency 1997–2007. — *Innovations for Successful Societies*. Princeton University. URL: http://www.princeton.edu/successfulsocieties/content/data/policy_note/PN_id219/Policy_Note_ID219.pdf (accessed 18.09.2014).

Pehe J. 2009. Life beyond Communism: Democracies without Democrats. — *Transitions Online*. Is. 10/13.

Villaveces-Izquierdo S., Uribe Burcher C. 2013. *Illicit Networks and Politics in the Baltic States*. International Institute for Democracy and Electoral Assistance. Stockholm. 40 p.

SMIRNOV Vadim Anatol'evich, Dr.Sci.(Pol.Sci.), Senior Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University (A. Nevskogo str., 14, Kaliningrad, Russia, 236041; Vsmirnov@kantiana.ru)

INFORMAL DIMENSION OF POLITICAL PROCESS IN LATVIA, LITHUANIA AND ESTONIA: THE MAIN TRENDS

Abstract. The article analyzes the informal dimension of political process in Latvia, Lithuania and Estonia after break-up of the Soviet Union. Based on the data from international organizations, the article demonstrates that informal, opaque practices of intra-elite interactions remain an important challenge to their political systems, despite the successful accession in 2004 to the European Union and the formal compliance to democratic procedures. In particular, it is peculiar to the Republic of Lithuania. Despite a decade passed since Latvia, Lithuania and Estonia joined the European Union, informal practices are still among the set of tools and methods for making important policy decisions used alongside the official, formal tools.

The retrospective analyze shows that Lithuania demonstrates the regression in some indicators (in particular, the level of public confidence in politicians, in terms of public perception of corruption). Country in which the informal «friendly» relations are more important than legal and legitimate rules and «clubs of classmates» try to substitute power would inevitably face the problem of the fall of the level of confidence in their own government institutions, as well as the worsening gap between the elite circles and mass groups.

In this regard, the political system of Latvia, Lithuania and Estonia are unlikely to be called the finally formed. The problem of informal dimension of political process is still on the political agenda and exacerbates the very complicated domestic situation in all Baltic states.

Keywords: elites, Baltic states, informal interactions, corruption, trends

ЭМИРОВ Рашид Маратович — к.полит.н., сотрудник правоохранительных органов (donna@front.ru)

ДИАСПОРЫ КАВКАЗСКИХ НАРОДОВ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать некоторые проблемы диаспор народов Кавказа в странах Большого Ближнего Востока в контексте взаимоотношений двух регионов. По целому ряду весьма значимых критериев Северный и Южный Кавказ рассматриваются в их геополитическом измерении как единое пространство, где геополитика теснейшим образом связана с этнополитикой. В то же время геополитические границы Кавказа простираются на юг, на территорию Большого Ближнего Востока, который близок ему по целому ряду системных и структурных характеристик. Одним из факторов, усиливающих такую близость, стало переселение в ходе и после окончания Кавказской войны XIX в. в страны, входившие в состав бывшей Османской империи, представителей северокавказских народов, определенная часть которых стремится вернуться на историческую родину.

Ключевые слова: Кавказ, Ближний Восток, Кавказская война, диаспора, геополитика, государство